

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: РАСШИРЕНИЕ ПРЕДМЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Примаченок Г. А., ВШУБ БГЭУ

Усложнение и многообразие проявлений социально-экономического взаимодействия между субъектами сформировало различные теоретические концепции, отразившие произошедшие изменения в общественной жизни. Не смотря на множество концепций, возникших в рамках экономической теории, ведущее место занял неоклассический подход к описанию экономических процессов.

Основная суть неоклассического взгляда на экономику заключена в предмете экономической теории. В соответствии с ним экономическая наука изучает человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление [1, с. 8]. При этом представители неоклассического направления признают за собой право установления предмета экономической науки не порывая при этом с экономической традицией. Упор на поиск оптимального сочетания альтернативных средств направлен на повышение благосостояния, другими словами на достижение той цели, которая была определена еще меркантилистами.

Наделение предмета экономической теории функциональными свойствами (решение задачи оптимизации в условиях ограниченности ресурсов) сохранило традиционные объекты экономической науки: производственные ресурсы, экономические блага, деньги и т.д.

Прочность позиций неоклассической теории связана с универсальностью и абстрактностью ее подхода. В рамках данной теории оформились идеи об ограниченности ресурсов и благ, максимизирующем поведении индивида и его рациональности, устойчивости вектора предпочтений, стремлении экономической системы к равновесию. Дополнение названных принципов микроэкономики кейнсианским анализом завершило макроуровень описательного аппарата экономической науки.

Универсальность и абстрактность неоклассической теории опирается на формализацию экономического анализа. С позиции структуры неоклассики она представляет собой конечный набор преимущественно количественных взаимосвязей. Для временных устойчивых состояний рыночного хозяйства она достаточно адекватно описывает процессы, происходящие на микро- и макроуровнях. Простота формализации при этом ассоциируется с легкостью, быстротой и обратимостью экономических процессов. Трения в социально-

экономической системе при этом занимают в экономической теории периферийное положение (например, «эффект храповика»).

Преимущества количественного анализа подтвердились возникновением течения «экономического империализма». Начало ему положил Г. Беккер, распространив элементы традиционной экономической деятельности (полезность, издержки, прибыль и др.) на другие социальные формы человеческого поведения (семейные, политические, юридические и др.) [2, с. 5].

Однако такое расширительное толкование предмета экономической теории одновременно характеризуется и его узостью. Не случайно поэтому параллельно с мейнстримом наряду с различными течениями оформился «старый» институционализм. (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл и др.). Ранние институционалисты создали теорию трансакций, эволюционного отбора и сознательной селекции институтов и др., то есть анализировали конкретные структуры усложнившейся иерархии национального хозяйства, базирующегося на его целостности.

«Почву» для идей нового институционализма подготовила волна критических замечаний в адрес неоклассики. Упрощенное представление о субъекте экономической деятельности, характере связей между ними, влияние внешней среды на экономическое поведение привело к разработке концепции ограниченной рациональности, в соответствии с которой рациональность поведения не всегда совпадает с оптимальностью решения, ведущей к максимизации полезности. Нередко субъекты не знают о всех возможностях своей деятельности и свойствах объектов поэтому не могут в полной мере использовать их. Они поступают абсолютно рационально, ограничиваясь при принятии решений только той информацией, которая доступна исходя из их возможностей. Ограниченная рациональность связана с проблемой неполноты информации, на основе которой индивид принимает решения. Но в концепции ограниченной рациональности важным является идея платности информации и экономическом поведении человека, как стратегии удовлетворения тех потребностей, которые являются реальными для будущего периода времени (в отличие от неоклассического принципа максимизации наличной полезности).

С появлением книги Ф. Найта «Риск, неопределенность и прибыль» стало общепризнанным, что неопределенность присуща любой форме экономической деятельности. Поэтому цепь экономических взаимодействий признается эффективной в том случае, если ведет к снижению неопределенности [3, с. 21].

Дж. Стиглер обосновал идею о зависимости между сложностью системы и объемом необходимой информации для соответствующего принятия решений, а также показал, что на основе свойств редкости и полезности информацию можно отнести к экономическим благам.

После этих теоретических разработок концепция трансакционных издержек, возникшая еще в рамках «старого» институционализма (Дж. Коммонс) и развитая Р. Коузом, получила законченное методологическое обоснование. С этого момента идея платности обеспечения сбалансированности, то есть учет эффективности трения в экономической системе выразилась и воплотилась в издержках координации. Это означает невозможность автоматического распределения ресурсов только под воздействием спроса и предложения. Передаточный механизм и цепочка взаимосвязей в системе гораздо сложнее. Он имеет экономическую оценку в форме социальных затрат, а траектория взаимодействий определяется реализацией возможностей, зависящих от набора формальных и неформальных правил и норм, создающих ограничительные рамки и иерархию связей между субъектами.

Поэтому с развитием неоинституционализма расширяются рамки экономики. Она, во-первых, выходит за границы рынка. Во-вторых, структурой, противопоставленной рынку, выступает фирма, как организация горизонтально-вертикальных связей различного уровня, реализуемых в контрактах. В-третьих, институционализм структурировал и рыночные связи взаимодействия, введя в научный оборот понятие конституции рынка.

Однако следование логике институционалистов заставляет предположить, что институты представляются не только набором правил и норм поведения. В противном случае экономический анализ ограничивался бы исследованием принципов правотворческой деятельности субъектов и стереотипов поведения. Социальные институты лишь устанавливают границы возможностей субъектов в ходе совместной хозяйственной деятельности. Но для того, чтобы установить насколько выбор альтернатив соответствует предложенному неоклассиками методу минимизации издержек и максимизации результата, остановимся на основных идеях маржинальной революции. Сохранение основных методологических принципов означает непрерывность и преемственность развития предмета экономической теории.

Основной характерной чертой, оформляемого в XIX веке подхода был принцип субъективизма применительно ко всем аспектам рыночного процесса [4, с. 7]. Этот принцип вступает в противоречие со сформированным ранее объективным моментом экономического знания. Объективное ассоциируется с вполне определенным, с упором на точный прогноз, сравнимый с количественной определенностью. С этих позиций последующая формализация и математизирование экономических явлений, осуществленное неоклассиками, имеет много общего с объективным в классической политической экономии.

В противоположность этому идеи субъективизма К. Менгера означают атомизированность основных стимулов человеческого

поведения, а значит элемент хаоса в экономической системе. Поэтому поведение потребителей и производителей имеют черты непредсказуемости выбора, а неотъемлемой характеристикой системы является неопределенность. По этой причине более глубокий смысл имеет и теория ценности, которая опровергла господствующую до нее теорию производственных издержек, имеющих объективную основу.

Согласно маржинализму цена зависит от субъективных индивидуальных выборов, которые сравнимы с предельными величинами. Индивидуализм предопределяет понимание сложных общественных явлений как логическое действие субъективных восприятий и психологических установок отдельных индивидов. Но дальнейшее развитие идей австрийской школы не привело к встраиванию субъективизма в экономическую науку.

Политическая экономия пошла по пути обнаружения и объяснения общих закономерностей. А неоклассическое направление – по пути сужения предмета экономической науки.

Узость рамок методологии можно объяснить следующим образом. Основная закономерность, лежащая в основе теории цен и издержек, – это закон убывания предельной полезности. Он выводится из предположения о редкости благ и характера действий индивида, который стремится к росту благосостояния и умеет определенным образом ранжировать предпочтения. Поведение индивидов, которые стремятся иметь больше определенных благ по меньшей цене и наоборот, признано экономическим. Тогда все иные субъективные варианты поведения человека не подвергаются сомнению выдвинутой неоклассиками тезис, а просто признаются неэкономическими. Следовательно неоклассическая теория цен обошла (оставила без внимания) множество возможных линий поведения, описав лишь одну.

Поэтому не существует принципиального противоречия между неоклассиками и неоинституционалистами по вопросу об убывающей отдаче экономических ресурсов, доходности и производительности и возрастающей отдаче институтов, которые в современных условиях следует понимать как дополнительный ресурс. Ведь институционализм кроме формального поведения и выбора индивидов требует учитывать неформальные, основанные на психологии, стереотипах мышления и традициях (т.е. неэкономические в понимании неоклассики).

Аналогичное сокращение в ходе развития экономической теории претерпело и понятие рациональности. Оно сократилось до признания факта об известности вкусов потребителей и постепенно было заменено заданностью технологических возможностей, при которых аллокация ресурсов требуемых для производства оптимального набора благ, может быть получена математическими методами. Однако рациональность кроме расчета средств включает выбор целей, но не только количественного

характера, а также поиск необходимых для их достижения средств, более того, видение субъектом временных и пространственных параметров возможных взаимодействий. Это требует учета неопределенности, непостоянства, риска и рутинных действий, нередко далеко отстоящих от совершенного, с точки зрения неоклассики, поведения, а также постоянный поиск информации.

Операции с квантифицируемыми переменными в экономической теории предопределили и круг ее объектов. Соответствующим образом оформилась теория издержек и доходов, а предпринимательский фактор и его оценка до настоящего времени является открытой проблемой экономической теории.

В микроэкономике издержки рассматриваются как ценность упущенной возможности использования того же ресурса иным способом. Денежную форму эти расходы принимают *ex post*, поэтому их выражение осуществляется в объективном виде. Но при этом исчезает суть издержек, которая состоит в их субъективной природе, ведь их оценка является частным суждением индивида, делающего выбор. С учетом фактора времени издержки проявляются в момент принятия решения и, следовательно, не могут иметь объективного количественного выражения. Однако учесть возможные варианты выбора позволяет выход на другие уровни социальной системы (на данном этапе развития экономической теории они получили выражение в издержках координации).

За рамки традиционного представления выходит и предпринимательский фактор. Так доход предпринимателя не является оплатой фактору производства в равновесном состоянии, так как в собственности индивида находится объект не имеющий материально-вещественного воплощения в исходный момент времени. В частности, предприниматель использует возможности получения прибыли, которые существуют в неравновесных ситуациях.

Значит прибыль – это эффект адекватной оценки субъектом возможных пространственно-временных исходов в процессе экономической координации. В этом значении предпринимательство является универсальным видом деятельности, но выходящим за рамки экономической деятельности с точки зрения неоклассического подхода.

Продолжив логику рассуждений далее, можно утверждать, что именно законы, описывающие процесс преодоления несовершенства информации, адаптации и эффекты от многовариантного поведения субъектов описывают конфигурацию (субординированную совокупность пространственно-временных связей) экономической системы и являются экономическими законами, устанавливающими кумулятивную и открытую, а не линейную причинность.

В последние десятилетия для описания закономерностей в общественных науках применяется синергетика – теория самоорганизации

систем. В ней подчеркивается нелинейный характер развития большинства известных систем, неустойчивость их внутренних структур, многовариантность возможных путей развития.

Следуя теории синергетики, для описания самоорганизации системы необходимо установить методологическую общность и разветвленность структуры с взаимосвязанностью и зависимостью элементов друг от друга.

Если для проведения количественного анализа из общей системы выделяют «срез» – подсистему (как это осуществила неоклассическая теория), то в такой подсистеме необходимо учесть все значимые внутренние и внешние связи, но особенно входы и выходы. Если упростить модель, а тем более изучать ее по замкнутому контуру, то можно получить искаженные результаты. Следовательно, теоретическая экономика, признавая системность экономических структур, рассматривает их с позиции полужакрытых моделей. А основным результатом искажения и недостатком неоклассической теории является игнорирование эмерджентных эффектов системы (эффектов, отличных от эффектов ее элементов).

Поэтому неинституционализм является попыткой перехода с подсистемы микро- на макроуровень с учетом многовариантных разноуровневых эффектов, и от институционального анализа можно ожидать неоднозначных результатов. Первыми фрагментами описания эмерджентных эффектов можно считать анализ экономических рисков, неопределенности и платности информации, встраивание в структуру экономических отношений прав собственности и внешних эффектов.

Следовательно, современный этап развития экономической теории, представляется как развитие идей маржинальной революции, устанавливающей преемственность неоклассики и неинституционализма и требующей расширения рамок предмета экономической теории, адекватной современной цивилизации.

Литература

1. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis, 1993. №1.
2. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis, 1993. №1.
3. Найт Ф. Понятие неопределенности // Thesis, 1994. Вып.5.
4. Блюмин И.Г. Субъективная школа в политической экономии. – М., 1931. Т.1.: Австрийская и англо-американская школы.